

П. Кропоткин

Анархия, ее философия, ее идеал

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
К83

К83 **Кропоткин П.**
Анархия, ее философия, ее идеал / П. Кропоткин – М.: Книга по Требованию, 2023. – 65 с.

ISBN 978-5-458-54663-8

ISBN 978-5-458-54663-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

планета, на которой жилъ онъ самъ,—центромъ творенія. Самъ же онъ являлся въ своихъ собственныхъ глазахъ высшимъ существомъ своей планеты, избранникомъ творца. И солнце, и луна, и звѣзды существовали для его одного; на него одного было обращено все вниманіе бога, который наблюдалъ за малѣйшими его поступками, останавливалъ для него движеніе солнца, парилъ въ облакахъ и посылалъ на поля и города дождь или грозу въ награду за добродѣтели или въ наказаніе за преступленія жителей. Втеченіе цѣлыхъ тысячелѣтій человѣкъ представлялъ себѣ вселенную именно такимъ образомъ.

Но въ шестнадцатомъ вѣкѣ, когда было доказано, что земля не только не центръ вселенной, но не болѣе какъ песчинка въ солнечной системѣ, не болѣе какъ шаръ, гораздо меньшій по величинѣ, чѣмъ многія другія планеты; что само солнце —это громадное свѣтило по сравненію съ нашей землей— есть не болѣе какъ одна изъ тѣхъ безчисленныхъ звѣздъ, которыя мы видимъ свѣтящимися на небѣ и составляющими своей массой млечный путь, — въ міросозерцаніи людей произошла, какъ вы знаете, огромная перемѣна. Какимъ ничтожнымъ показался тогда человѣкъ въ сравненіи съ этой безконечностью, какими смѣшными показались его претензіи! Измѣненіе космогоническихъ взглядовъ отразилось на всей философіи на всѣхъ общественныхъ и религіозныхъ взглядахъ того времени. Лишь съ той поры начинается то развитіе естественныхъ наукъ, которымъ такъ гордимся мы теперь.

Въ настоящее время, однако, во всѣхъ отрасляхъ науки происходитъ еще болѣе глубокая и еще болѣе существенная перемѣна, и анархизмъ представляетъ собою, какъ вы увидите, ничто иное, какъ одно изъ многочисленныхъ проявленій этой эволюціи, какъ одно изъ отраслей этой новой нарождающейся философіи.

Возьмите любое сочиненіе по астрономіи конца прошлаго или начала этого вѣка. Само собою разумѣется, что вы не встрѣтите тамъ утвержденія, что наша маленькая планета занимаетъ центръ вселенной; но зато вы найдете на каждомъ шагѣ представленіе о громадномъ свѣтилѣ—Солнце—управляющемъ, посредствомъ силы притяженія, всѣмъ нашимъ планетнымъ міромъ. Отъ этого центральнаго свѣтила исходитъ сила, направляющая движеніе его спутниковъ и поддерживающая гармонію всей системы. Планеты рождаются изъ нѣкоторой центральной массы, представляя собою, такъ сказать, не болѣе какъ продуктъ ея почкованія. И этой центральной массѣ, мѣсто которой заступило теперь наше лучезарное солнце, онѣ обязаны всѣмъ: ритмомъ своихъ движеній, своими искусно распредѣленными орбитами, жизнью, оживляющей и украшающей ихъ поверхность. Если какія нибудь причины стремятся нарушить ихъ теченіе, заставить ихъ уклониться отъ своихъ орбитъ, центральное свѣтило восстанавливаетъ порядокъ въ системѣ, охраняя ее и обезпечивая такимъ образомъ на вѣки ея существованіе.

И вотъ, это-то міросозерцаніе исчезнетъ въ свою очередь, какъ исчезло старое. Астрономъ, сосредоточивавшій раньше все свое вниманіе на солнцѣ и крупныхъ планетахъ, обращается теперь къ изученію безконечно малыхъ, населяющихъ вселенную. Онъ видитъ, что междупланетныя и междוזвѣздныя пространства заполнены всюду мелкими скопленіями вещества,—невидимыми и ничтожными, если ихъ разсматривать въ отдѣльности, но всемогущими по своей численности. Изъ этихъ скопленій одни довольно велики—какъ напримѣръ тотъ болидъ, который, еще такъ недавно распространилъ ужасъ въ испаніи; другія, наоборотъ, вѣсятъ не болѣе нѣсколькихъ лотовъ и золотниковъ, а вокругъ нихъ

носятся еще болѣе мелкія, почти микроскопическія пылинки и газы, заполняющіе собою все пространство.

И именно въ этихъ пылинкахъ, въ этихъ бесконечно-малыхъ, несущихся въ пространствѣ по всѣмъ направленіямъ съ громадной скоростью, сталкивающихся, сливающихся и распадающихся повсюду и постоянно, именно въ нихъ ищетъ современный астрономъ объясненія, какъ происхожденія нашей системы — солнца, планетъ и ихъ спутниковъ, — такъ и движеній, свойственныхъ этимъ различнымъ тѣламъ, и гармоніи во всей солнечной системѣ. Еще одинъ шагъ — и само всемірное тяготѣніе окажется не болѣе, какъ равнодѣйствующей безпорядочныхъ и безсвязанныхъ движеній этихъ бесконечно-малыхъ, — колебаній, атомовъ, происходящихъ по всевозможнымъ направленіямъ.

Такимъ образомъ, центръ силы, перенесенный раньше съ земли на солнце, оказывается теперь раздробленнымъ, разсѣяннымъ повсюду: онъ вездѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нигдѣ. Мы видимъ, вмѣстѣ съ астрономомъ, что солнечныя системы суть не болѣе какъ продуктъ сложенія бесконечно-малыхъ; что сила, которую разсматривали прежде какъ управляющую всей системой, есть, можетъ быть сама не болѣе какъ равнодѣйствующая столкновеній этихъ бесконечно малыхъ; что гармонія звѣздныхъ системъ — гармонія только потому, что она представляетъ собою извѣстное приспособленіе, извѣстную равнодѣйствующую этихъ безчисленныхъ движеній, слагающихся, заполняющихъ и уравнивающихъ другъ друга.

• Вся вселенная принимаетъ, при этомъ новомъ міросозерцаніи, иной видъ. Представленіе о силѣ, управляющей міромъ, о предустановленномъ законѣ и представленной гармоніи исчезаетъ, уступая мѣсто той гармоніи, которую отчасти предвидѣлъ Фурье и которая есть ничто иное какъ равнодѣй-

ствующая движеній безчисленныхъ скопленій вещества, двигающихся независимо одно отъ другого и взаимно поддерживающихъ другъ друга въ равновѣсіи.

* * *

И не въ одной астрономіи происходитъ такая перемѣна. То же самое мы видимъ въ философіи всѣхъ наукъ безъ исключенія, какъ тѣхъ которыя занимаются природой, такъ и тѣхъ, которыя имѣютъ дѣло съ человѣкомъ.

Въ физикѣ исчезаютъ отвлеченныя понятія о теплотѣ, магнетизмѣ, электричествѣ. Когда въ настоящее время физикъ говоритъ о нагрѣтомъ или наэлектризованномъ тѣлѣ, оно уже не представляется ему въ видѣ безжизненной массы, къ которой прилагаетъ невѣдомая сила. Онъ старается открыть, какъ въ этомъ тѣлѣ, такъ и въ окружающемъ его пространствѣ, движенія и колебанія безконечно-малыхъ атомовъ, двигающихся по всѣмъ направленіямъ, колеблющихся, живущихъ и производящихъ своими столкновеніями, свою жизнь, всѣ явленія теплоты, свѣта, магнетизма или электричества.

Въ наукахъ, изучающихъ живыя существа, постепенно исчезаетъ понятіе о видѣ и его измѣненіяхъ и его мѣсто занимаетъ понятіе объ индивидуумѣ, особи. Ботаникъ и зоологъ изучаютъ индивидуума — его жизнь, его приспособленіе къ средѣ. Перемѣны, вызываемыя въ отдѣльныхъ особяхъ сухостью или сыростью воздуха, тепломъ или холодомъ, обиліемъ или недостаткомъ пищи, большей или меньшей чувствительностью къ вліяніямъ окружающей среды, ведутъ къ образованію видовъ. Измѣненіе вида представляетъ теперь собою для біолога ничто иное, какъ равнодѣйствующую, какъ сумму измѣненій, происшедшихъ въ каждомъ индивидуумѣ въ отдѣльности. То, каковъ видъ, зависитъ отъ того,

каковы составляющіе его индивидуумы, испытывающіе на себѣ безчисленныя вліянія окружающей среды и реагирующіе на эти вліянія каждый по своему.

Точно также, когда фізіологъ говоритъ о жизни какого нибудь растенія или животнаго онъ имѣетъ въ виду скорѣе нѣкоторую агломерацію, состоящую изъ миллионовъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, чѣмъ единую и нераздѣльную особь. Онъ говоритъ о федераціи пищеварительныхъ органовъ, органовъ чувствъ, нервной системы и т. д. — органовъ, очень тѣсно связанныхъ между собою, отражающихъ на себѣ хорошее или дурное состояніе cadaго изъ нихъ, но, тѣмъ не менѣе, живущихъ, каждый, своею особою жизнью. Въ свою очередь, всякій органъ, всякая его часть состоитъ изъ независимыхъ клѣтокъ, соединяющихся другъ съ другомъ для борьбы съ неблагопріятными для ихъ существованія условіями. Каждый индивидуумъ представляетъ собою цѣлый міръ федерацій, заключаетъ въ себѣ цѣлый космосъ.

Въ этомъ мірѣ фізіологъ находитъ независимыя клѣтки крови, различныхъ тканей, нервныхъ центровъ; находитъ миллиарды бѣлыхъ тѣлецъ — фагоцитовъ, направляющихся къ тѣмъ частямъ тѣла, которыя задѣты микробами, для борьбы съ этими врагами. Мало того: въ каждой микроскопической клѣткѣ онъ видитъ теперь цѣлый міръ независимыхъ элементовъ, изъ которыхъ каждый живетъ своею жизнью, стремится къ своему благу и достигаетъ его, группируясь и соединяясь съ другими элементами. Каждый индивидуумъ однимъ словомъ, представляетъ собою міръ органовъ, каждый органъ — цѣлый міръ клѣтокъ, каждая клѣтка — міръ бесконечно-малыхъ, и въ этомъ сложномъ мірѣ благосостояніе цѣлаго зависитъ вполне отъ размѣровъ благосостоянія, которыми пользуются мельчайшія микроскопическія частицы

организованнаго вещества. Цѣлый переворотъ происходитъ такимъ образомъ въ философіи жизни.

* * *

Но особенно важны послѣдствія этого переворота въ области психологіи.

Еще совсѣмъ недавно психологъ говорилъ о человѣкѣ, какъ о единомъ и нераздѣльномъ цѣломъ. Согласно религіозной традиціи, онъ дѣлилъ людей на добрыхъ и злыхъ, умныхъ и глупыхъ, эгоистовъ и альтруистовъ. Представленіе о душѣ какъ цѣломъ даже существовало еще у матеріалистовъ XVIII в.

Но что сказали бы въ наше время ученые, если бы психологъ заговорилъ теперь о чемъ нибудь подобномъ? Человѣкъ представляетъ собою теперь для психолога множество отдѣльныхъ способностей, множество независимыхъ стремленій, равныхъ между собою, функціонирующихъ независимо другъ отъ друга, постоянно уравнивающихъ другъ друга, постоянно находящихся въ противорѣчій между собою. Взятый въ цѣломъ, человѣкъ представляется современному психологу, какъ вѣчно измѣняющаяся равнодѣйствующая всѣхъ этихъ разнообразныхъ способностей, этихъ независимыхъ стремленій мозговыхъ клѣтокъ и нервныхъ центровъ. Всѣ онѣ связаны между собою и вліяютъ другъ на друга, но каждый и каждая изъ нихъ живетъ своею независимою жизнью, не подчиняясь никакому центральному органу, никакой душѣ.

* * *

Мнѣ нѣтъ надобности входить въ дальнѣйшія подробности: сказаннаго достаточно, чтобы показать, какое глубокое измѣненіе происходитъ въ настоящее время въ области естественныхъ наукъ. Измѣненіе это заключается не въ томъ, что они изучаютъ теперь такія подробности, которыми пре-

небрегали раньше. Далеко нѣтъ: факты остаются тѣ же, но измѣняется самый способъ ихъ пониманія. Чтобы охарактеризовать въ немногихъ словахъ это новое направленіе, мы можемъ сказать, что прежде наука занималась изученіемъ крупныхъ результатовъ и крупныхъ суммъ (математикъ сказалъ бы: интеграловъ), тогда какъ теперь она изучаетъ главнымъ образомъ безконечно-малыя величины — т. е. тѣхъ индивидуумовъ, изъ которыхъ составляются эти суммы и въ которыхъ ученый увидалъ, наконецъ, элементы самостоятельные, индивидуализированные, но, въ то же время, тѣсно связанные между собою.

Что же касается до гармоніи, которую человѣческій умъ находитъ въ природѣ и которая есть въ сущности ничто иное, какъ проявленіе извѣстнаго постоянства явленій, то, несомнѣнно, современный ученый признаетъ ее въ настоящее время больше, чѣмъ когда бы то ни было; но онъ уже не стремится объяснить ее дѣйствіемъ „законовъ“ созданныхъ по опредѣленному плану, предустановленныхъ какою то разумною волею.

То, что называлось прежде „естественнымъ закономъ“, представляется намъ не болѣе, какъ улавливаемымъ нами отношеніемъ между извѣстными явленіями; каждый такой „законъ“ получаетъ теперь условную форму причинности, т. е.: „если при такихъ-то условіяхъ произойдетъ такое-то явленіе, то за нимъ послѣдуетъ другое такое-то явленіе“. Въ явленій нѣтъ закона; каждое явленіе управляется не закономъ, а тѣмъ явленіемъ, которое ему предшествовало.

Въ томъ, что мы называемъ гармоніей природы, не проявляется никакая предвзятая мысль; для ея установленія достаточно было случайныхъ столкновений и сочетаній. Одно явленіе, на примѣръ, будетъ существовать впродолженіе цѣлыхъ

вѣковъ, потому что для установленія той приспособленности къ условіямъ, того равновѣсія которое оно выражаетъ, потребовались вѣка: другое явленіе просуществуетъ лишь одно мгновеніе потому что эта временная форма равновѣсія возникла мгновенно. Если планеты нашей солнечной системы не сталкиваются ежедневно и не разбиваются другъ о друга, а существуютъ въ продолженіе милліоновъ вѣковъ, то это зависитъ отъ того, что онѣ представляютъ собою такую форму равновѣсія, на установленіе которой, какъ равнодѣйствующей цѣлыхъ милліоновъ слѣпыхъ силъ, потребовались милліоны вѣковъ. Если материкъ не подвергается ежегодно разрушенію вслѣдствіе вулканическихъ сотрясеній, то причина этого въ томъ, что тысячи вѣковъ понадобились имъ, чтобы воздвигнуться частица за частицей и принять настоящую свою форму. Напротивъ того, молнія длится одно мгновеніе, потому что представляетъ собою минутное нарушеніе равновѣсія и внезапное перераспредѣленіе еще не уравновѣшенныхъ силъ.

Такимъ образомъ гармонія въ природѣ является для насъ временнымъ равновѣсіемъ, устанавливающимся между различными силами, — нѣкоторымъ временнымъ приспособленіемъ, которое можетъ существовать лишь при условіи постояннаго видоизмѣненія, представляя собою въ каждый данный моментъ равнодѣйствующую всѣхъ противоположныхъ силъ. Стоитъ только одной изъ этихъ силъ оказаться стѣсненной на время въ своемъ дѣйствіи, и гармонія исчезнетъ. Способность къ дѣйствію будетъ тогда постепенно накапливаться въ данной силѣ и рано или поздно должна будетъ проявиться, должна будетъ обнаружиться. Если другія силы будутъ ей противодѣйствовать, она все таки не исчезнетъ, а нарушитъ, въ концѣ концовъ, равновѣсіе и разрушитъ гармонію, чтобы найти новое равновѣсіе, новую

форму присобленія. Такъ бываетъ въ вулканическихъ изверженіяхъ, когда заключенная внутри сила пробиваетъ, накопецъ, застывшую лаву, которая мѣшаетъ выходу газовъ, расплавленной лавы и раскаленного пепла. Такъ бываетъ и въ революціяхъ.

* * *

Аналогичное измѣненіе въ методахъ мышленія совершается въ тоже время и въ наукахъ, занимающихся, человѣкомъ.

Мы, видимъ, напримѣръ, что исторія, бывшая когда-то исторіей царствъ, стремится сдѣлаться исторіей народовъ и изученіемъ личностей. Историкъ стремится узнать, какъ жили въ данную эпоху члены той или другой націи, каковы были ихъ вѣрованія, ихъ средства существованія, какой общественный идеаль рисовался въ ихъ воображеніи и какими средствами они обладали для его достиженія. Именно дѣйствіе всѣхъ этихъ силъ, прежде оставлявшихся безъ вниманія дастъ ключъ къ истолкованію великихъ историческихъ явленій.

Точно также ученый занимающійся правомъ, уже не довольствуется изученіемъ того или иного свода законовъ. Подобно этнологу, онъ стремится отыскать зарожденіе послѣдовательнаго ряда учрежденій, — стремится прослѣдить ихъ развитіе въ теченіе ряда вѣковъ, причѣмъ занимается не столько писаннымъ закономъ, сколько мѣстными обычаями, тѣмъ „обычнымъ правомъ“, въ которомъ во всѣ эпохи находило себѣ выраженіе созидательное творчество безвѣстныхъ народныхъ массъ. Въ этомъ направленіи вырабатывается теперь совершенно новая отрасль науки, которая разрушить современемъ всѣ существующія понятія, внушаемыя намъ въ

школъ, и объяснить исторію такимъ же образомъ, какъ естественныя науки объясняютъ природу.

Наконецъ, политическая экономія, бывшая въ началѣ своего существованія изученіемъ богатства народовъ, становится теперь изученіемъ богатства личностей. Она интересуется не столько тѣмъ, ведетъ ли данная нація крупную внѣшнюю торговлю, сколько тѣмъ, — есть ли достаточно хлѣба въ хижинѣ крестьянина и рабочаго? Она стучится во всѣ двери — въ дворцы и въ трущобы — спрашивая какъ у богатаго, такъ и у бѣднаго: „Въ какой степени удовлетворены наши потребности въ необходимомъ и въ предметахъ роскоши?“ И, убѣдившись, что у девяти-десятихъ человечества не удовлетворены даже самыя настоятельныя потребности, она ставитъ себѣ тотъ же вопросъ, который поставилъ бы себѣ фізіологъ, изучающій какое нибудь животное или растеніе, а именно: „Какимъ путемъ возможно удовлетворить потребностямъ всѣхъ съ наименьшей тратой силъ? Какимъ образомъ можетъ общество обезпечить каждому, а слѣдовательно и всѣмъ, наибольшую сумму благосостоянія и счастья?“ Въ этомъ именно направленіи происходитъ измѣненіе экономической науки, которая такъ долго была простымъ перечисленіемъ явленій, истолкованныхъ въ интересахъ меньшинства богатыхъ, а теперь стремится сдѣлаться (или вѣрнѣе вырабатываетъ нужные для этого элементы) наукой въ настоящемъ смыслѣ слова, т. е. фізіологіей человѣческихъ обществъ.

* *

По мѣрѣ того, какъ въ наукѣ вырабатывается, такимъ образомъ, новая общая точка зрѣнія, новая философія, мы видимъ, что и понятіе объ обществѣ становится совершенно инымъ, чѣмъ оно было до сихъ поръ. Подъ именемъ анар-